

Висенте Бласко Ибаньесъ.

Разказы.

Осужденная. Разказы.

Единственный разрѣшенный авторомъ переводъ съ испанскаго Татьяна Герценштейнъ.

Съ критическимъ очеркомъ Э. Замакоиса.

Книгоиздательство "Современныя проблемы". МОСКВА. -- 1911.

[OCR Бычков М.Н.](#)

Содержаніе

Осужденная.

Состраданіе.

Въ морѣ.

Чиновникъ.

Брошенная лодка.

Хлѣвъ Евы.

Человѣкъ за бортомъ.

Двойной выстрѣлъ.

Димони.

Осужденная.

Четырнадцать мѣсяцевъ провелъ уже Рафаэль въ тѣсной камерѣ.

Его міромъ были четыре, печально-бѣлыя, какъ кости, стѣны; онъ зналъ наизусть всѣ трещины и мѣста съ облупившеюся штукатуркою на нихъ. Солнцемъ ему служило высокое окошечко, переплетенное желѣзными прутьями, которые перерѣзали пятно голубого неба. А отъ пола, длиною въ восемь шаговъ, ему едва ли принадлежала половина площади изъ-за этой звенящей и бряцающей цѣпи съ кольцомъ, которое впилося ему въ мясо на ногѣ и безъ малаго вросло въ него.

Онъ былъ приговоренъ къ смертной казни. И въ то время какъ въ Мадридѣ въ послѣдній разъ пересматривались бумаги, относящіяся къ его процессу, онъ проводилъ здѣсь цѣлые мѣсяцы, какъ заживо погребенный; онъ гнилъ, точно живой трупъ въ этомъ каменномъ гробу, и желалъ, какъ минутнаго зла, которое положило-бы конецъ другимъ, болѣе сильнымъ страданіямъ, чтобы наступилъ поскорѣе часъ, когда ему затянуть шею, и все кончится сразу.

Что мучило его больше всего -- это чистота. Полъ въ камерѣ ежедневно подметали и крѣпко скоблили, чтобы сырость, пропитывающая койку, пронизывала его до мозга костей. На этихъ стѣнахъ не допускалось присутствіе ни одной пылинки. Даже общество грязи было отнято у заключеннаго. Онъ былъ въ полномъ одиночествѣ. Если бы въ камеру забрались крысы, у него было-бы утѣшеніе подѣлиться съ ними скуднымъ обѣдомъ и погворить, какъ съ хорошими товарищами; если бы онъ нашель въ углахъ камеры паука, то занялся бы прирученіемъ его.

Въ этомъ гробу не желали присутствія иной жизни кромѣ его собственной. Однажды -- какъ хорошо помнилъ это Рафаэль! -- воробей появился у рѣшетки, какъ шаловливый мальчикъ. Попрыгунъ чирикалъ, какъ бы выражая свое удивленіе при видѣ тамъ внизу этого бѣднаго, желтаго и слабого существа, дрожащаго отъ холода въ разгарѣ лѣта, съ привязанными къ вискамъ какими-то тряпками и съ рванымъ одѣяломъ, опоясывавшимъ нижнюю часть его тѣла. Воробья испугало, очевидно, это заострившееся и блѣдное лицо цвѣта папье-маше и странное одѣяніе краснокожаго, и онъ улетѣлъ, отряхивая крылья, точно хотѣлъ освободиться отъ запаха затхлости и гнилой шерсти, которымъ несло отъ рѣшетки.

Единственнымъ шумомъ жизни были говоръ и шаги товарищей по заключенію, гулявшихъ по